

Петр Петрович
СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ
В ТЯНЬ-ШАНЬ
В 1856–1857 ГОДАХ

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
С30

Семенов-Тянь-Шанский, П. П.

С30 Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах / П. П. Семенов-Тянь-Шанский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 460 с. — (ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-521-77176-9

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «великие путешествия» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77176-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Заключение Парижского мира. — Моя поездка в деревню
в возвращение. — Первые мероприятия
Александра II. — Поддержка, оказанная моему
путешествию Географическим обществом. —
Переезд Нижний — Казань — Кунгур —
Урал и Екатеринбург. — Западно-Сибирская
низменность. — Сибирская езда и некоторые
особенности местного населения. — Ишимская
степь. — Иртыш и Омск. — Генерал-губернатор
Гасфорт. — Потанин и Валиханов. — Барабинская
степь и Каинск. — Переправа через Обь в Бердском. —
Барнаул. — Путешествие на Алтай. —
Колыванское озеро. — Змеиногорск. —
Реки Уба и Ульба и окружающие их белки. —
Риддерск и Ивановский белок. —
Путь в Семипалатинск.*

Со времени моего возвращения в Петербург в 1855 году из двухлетнего заграничного путешествия во всех слоях столичного общества происходили оживленные толки о том, следует ли спешить заключением мира, или, наоборот, продолжать войну. Весь промышленный и финансовый мир стоял за скорейшее заключение мира, в военных же и патриотических кругах преобладало мнение о продолжении войны.

Тем не менее в правительственных сферах стремление к миру одержало верх, и князь Орлов был послан на Парижскую конференцию.

В начале осени я приехал к себе в деревню, где имел счастье встретить моего уже трехлетнего сына здоровым и невредимым: с необыкновенной любовью и самоотвержением вырастила его достойная воспитательница моей жены, Екатерина Михайловна Кареева.

С наступлением первых признаков весны 1856 года я поспешил вернуться в Петербург, где у меня было много дела. Мирные переговоры в Париже уже шли к концу, а ни о каких реформах еще не было слуху, хотя передовые люди столичной интеллигенции были глубоко убеждены, что самая неизбежная из реформ — освобождение крестьян — не заставит себя долго ждать. В провинции, наоборот, поместное дворянство было еще очень далеко от мысли даже о возможности освобождения крестьян. Конечно, и в Петербурге никто не решался называть предстоящую законодательную реформу

«освобождением крестьян». И когда первым законодательным актом царствования Александра II явилось высочайшее повеление о каких-то переменах в военных формах, — причем, между прочим, в форме генералов были введены красного цвета брюки, — то это дало повод лицам, склонным к легкому остроумию, говорить: «ожидали законы, а вышли только панталоны!».

Конечно, в перемене форм выразилась слабость Александра II к формам одежды, не оставлявшая его до конца жизни. Однажды, уже в последние годы своей жизни, когда ему представлялся молодой офицер, впоследствии известный путешественник (Б. А. Громбчевский (Л. В.)), заказавший себе для этого новый мундир у одного из лучших портных в Петербурге, Александр II, отнесясь к представлявшемуся очень благосклонно, не удержался от замечания, что какой-то кантик на воротнике мундира был нашит неправильно, и спросил его несколько строгим голосом, у какого портного он заказывал мундир. Услыхав в ответ имя известного портного, государь сказал: «Скажи ему, что он — дурак».

В Географическом обществе при прежнем вице-председателе Муравьеве я нашел секретарем после умершего В. А. Милютина талантливого и выдававшегося между молодыми учеными в области экономических наук Евгения Ивановича Ламанского. Энергично принялся я за окончание обширного дополнения к первому тому риттеровой Азии и нашел себе живое и деятельное содействие в почтенном и лучшем в России синологе, Василии Павловиче Васильеве (знаменитый востоковед

и китаист (1818—1900), профессор и почетный член Петербургского университета, с 1886 г. академик (А. Б.), с которым я очень сблизился в это время и который был действительно светлой личностью и горячим патриотом. В течение зимы 1855—56 годов работа моя, уже давно начатая, пришла к концу. Вместе с тем был закончен мной и перевод частей риттеровой Азии, относящихся до Тянь-Шаня и Западной Сибири и вызывавших к ним еще более обширные дополнения. Этим-то предлогом я и воспользовался, чтобы осуществить свою заветную мечту — путешествие в Среднюю Азию.

Но не только выставить на первый план желание мое проникнуть в Тянь-Шань, но даже вообще сообщать кому бы то ни было о моей твердой решимости проникнуть туда было бы с моей стороны крупной ошибкой, так как такое намерение встретило бы сильное противодействие со стороны Министерства иностранных дел, ревниво оберегавшего азиатские страны, лежавшие за русскими пределами, от вторжения русской географической науки в лице русских путешественников, в то время, когда Германия уже открыто, на глазах всего мира, снаряжала свою экспедицию в Центральную Азию, направляя ее через Индию! Поэтому я с дипломатической осторожностью заявил официально перед Географическим обществом о необходимости для моих дополнений следующим томам риттеровой Азии посетить те местности, которые в них описаны, а именно: Алтай, Киргизские степи и т. д. При этом я просил от Общества только нравственного содействия в форме открытых ли-

стов, рекомендаций и прочего и небольшой субсидии в 1000 рублей на приобретение инструментов и вообще на снаряжение экспедиции, принимая на себя все издержки самого путешествия. Должен отдать справедливость Михаилу Николаевичу Муравьеву, что он со своей стороны отнесся с большим сочувствием к моему предложению и оказал моему путешествию возможное содействие, а в секретаре Географического общества, так же как и в председателе отделения физической географии А. Д. Озерском, и в членах совета я нашел живую поддержку.

Весной 1856 года я уже вполне снарядился в свою экспедицию, доехал по железной дороге до Москвы и далее до Нижнего по шоссе, купил там прочный и просторный тарантас казанской работы и поехал на почтовых по большому сибирскому тракту.

На полпути из Нижнего в Казань я уже находился в той стране, которая на немецких картах XVII и даже XVIII веков обозначалась надписью «die grosse Tartare». Как ни странным казалось нам, русским, такое обозначение ныне коренных русских (приволжских и даже отчасти, центральных) губерний, но все-таки немецкие географы имели к тому свое основание. Ведь несомненно, что еще в половине XVI века этнографическая граница Европы и Азии совершенно не совпадала с ныне принимаемой географической границей между обеими частями света. Если провести прямую линию от Кишинева через днепровские пороги, Харьков, Воронеж, Тамбов, Казань к Екатеринбургу, то европейские племена (сла-

вяне и другие) жили в эпоху открытия Америки только к северо-западу от этой линии, а к юго-востоку от нее европейского населения совсем не было; вся же эта «Великая Татария» европейских географов была принадлежностью азиатских племен, и только со времени великого мирового события — падения Казани (1552 год), происшедшего одновременно с колонизацией на заатлантическом западе европейской расой Нового Света (Америки), — началась на восточной окраине Европы более или менее сплошная и последовательная европейско-русская колонизация Азии, овладевшая сначала обширными землями этнографической Азии в Европе, а затем быстро распространившаяся через всю палеарктическую зону до Тихого океана.

Впоследствии, когда в 1897 году, после тридцатитрехлетних упорных настояний, мне удалось осуществить первую всеобщую перепись населения России, я подсчитал, что в то время как колонизация всех в совокупности государств Западной Европы дала со времени открытия Христофора Колумба Новому Свету 90 миллионов людей европейской расы, русская колонизация, направленная к востоку и юго-востоку, водворила за пределы этнографической Азии не менее 46 миллионов людей европейской расы. На эту историческую заслугу России я имел случай указать на международном юбилейном торжестве Христофора Колумба в Генуе в 1892 году.

Утром 15 мая 1856 года я был уже на правом берегу Волги, против Казани. Царица русских рек была в это

время еще в полном разливе. Она слилась с широкой долиной Казанки в один водный бассейн шириной верст в десять. Погода была бурная, и, ввиду того, что переправа тяжелого тарантаса должна была продолжаться до вечера, я решился предоставить свой грузный зкипаж, под охраной сопровождавшего меня служителя из крепостных, его собственной судьбе, а сам пустился на сравнительно легкой парусной лодке с шестью гребцами на осмотр живописной Казани, с ее внешней, водной стороны. Мы плыли среди пенящихся волн, заливавших нас своими брызгами и разбивавшихся далее у высокой и массивной серой пирамиды, над которой едва заметно возвышался небольшой золоченый крест. Это был воздвигнутый только в 1823 году скромный и неизящный памятник над братской могилой героев, обративших взятием Казани в 1552 году еще сравнительно недавно вышедшее из-под азиатского ига Московское царство в одно из великих европейских государств. Памятник поднимался над водой уединенным утесом, но близ него высился на отдельной возвышенности над водой живописный Силантьев (Зилантов) монастырь, окруженный зеленью деревьев, в весеннем убранстве, а правее его красовался весь казанский кремль с его живописными храмами, мечетями, исторической Сумбекиной башней и Воскресенским монастырем. Высадился я в Казани нарочно пораньше, для того, чтобы осмотреть все достопримечательности города. К ночи прибыл и мой тарантас, а на другой день поутру я уже ехал в нем по старому сибирскому тракту. Ехал я быстро и безостановочно,

и днем и ночью, но все-таки дорога от Казани до Екатеринбурга через Казанскую, Вятскую и Пермскую губернии взяла у меня 8 суток. Вся беспредельная равнина, начиная от Волги до уездного города Пермской губ. Кунгура, состояла из горизонтальных слоев песчаников и мергелей пермской системы, прикрытых толстыми слоями довольно однообразных наносов, обнаженных только по берегам рек. На всем этом протяжении встречались обширные селения, почти исключительно государственных или горнозаводских крестьян, хорошо отстроенные и поразившие меня довольством и зажиточностью своих обитателей и присутствием главного показателя крестьянского богатства — большого количества и хорошего качества лошадей и вообще домашнего скота. Крепостное право, так тяжело влиявшее на горнорабочее население, в тесном смысле этого термина, не повлияло на условия крестьянской жизни здешних селений, которые вполне пользовались относительной свободой труда. Земледельческой барщины у них не было. Земледелием — исключительно на собственные нужды — они занимались только в страдный период полевых работ, а в остальные времена года, в особенности зимой, да и вообще в свободное от полевых работ время здешние крестьяне при значительном развитии своего скотоводства получали большие выгоды от своих промыслов, чем в нашей центральной черноземной России. Хотя сами они не были обладателями минеральных богатств края, да и эксплуатация этих богатств, то есть заводские и рудничные работы, производилась